

15. Павел Чехранов, *свящ.* Две тюремные Пасхи: Из воспоминаний // Мир Божий. 2000. № 6. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2827dve.htm (дата обращения 31.10.16).

*Е. А. Николаева,
канд. иск.
(МГК им. П. И. Чайковского)*

ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА

2016 г. прошел под знаком юбилея С. Прокофьева. За это время была исполнена практически вся оперная и оркестровая музыка композитора. В начале декабря в С.-Петербурге прозвучал заключительный аккорд года – состоялся международный симпозиум «Прокофьев. XXI век»¹, что позволило лишним раз убедиться в необъятности формата этой фигуры, в необычайной актуальности наследия Прокофьева для современности. Особый интерес представляют открывшиеся в последние годы факты и документы, позволяющие по-новому оценить духовно-философские основания творчества композитора. Статья посвящена проблеме эволюции религиозных убеждений Прокофьева и, в частности, его отношениям с так называемой Христианской наукой.

Творчество Сергея Прокофьева отмечено чертой, исключительно редкой в искусстве XX в. – в его музыке преобладает светлое, позитивное начало, что является выражением мироощущения композитора, оптимистичного по своей сути. Музыку Прокофьева с полным основанием можно назвать звучащей метафизикой света.

Основания тому следует искать в глубинных слоях внутреннего мира этой уникальной личности, в национальной самобытности, совмещающей стихийную почвенность и внутреннюю духовную чистоту. Это свойство русской ментальности отмечал еще Н. Бердяев: «В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента... стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру» [1, 8].

Такой же дуализм обнаруживается и в музыке С. Прокофьева: это и языческое «скифство», и «серафическая» мелодика балетных *Adagio*, являющая образы совершенной красоты и возвышенной Любви, олицетворяющая светлое, творческое, сакральное. Музыка Прокофьева – суть отражение той сложной духовной и душевной деятельности, которая сопровождала композитора всю жизнь и нашла отражение в его богатейшем литературно-эпистолярном наследии. В опубликованных письмах и дневниковых записях содержится ключ к истинному пониманию мира композитора, и каждый из исследователей волен выстраивать свою «легенду», лепить образ «своего Прокофьева», о чем свидетельствуют появившиеся в последние годы монографии (С. Морриссон, В. Чемберджи, Г. Вишневецкий, Н. Савкина). Сопоставим некоторые известные уже факты и попытаемся сделать некоторые предположения, возможно даже конспирологические, о наиболее деликатной проблеме, касающейся религиозности Прокофьева.

Очевидно, что духовные традиции русской культуры, будучи усвоены композитором еще в детстве, оказывали (часто бессознательно) воздействие на мироощущение композитора. Так, из Автобиографии известно, что отец композитора считал нужным дать сыну традиционное православное воспитание, сам готовил сына к экзамену по Закону Божию; в дом ездили священники, ребенка водили в церковь к пасхальной заутрене и другим большим праздникам (впоследствии сам Сергей Сергеевич также занимался религиозным воспитанием своих сыновей).

Между тем в литературе (особенно советской) довольно долго культивировалось мнение, что Прокофьев был атеистом. Однако после публикации дневников в 2002 г. стало очевидным, что религиозно-философские искания составляли важную часть духовной жизни композитора. Дневниковых записей композитор оставил не так много. В вопросах, касающихся его собственного внутреннего мира, С. Прокофьев был очень сдержан: «Вообще скрытность характера в вопросах, близких сердцу, проявилась и тут, и всю борьбу за религию я нес внутри, не делаясь и не обсуждая ни с кем» [2, 174]. Прокофьев был осторожен и лаконичен в высказываниях на темы, не имеющие прямого отношения к музыке. Он

¹ V Санкт-Петербургский международный культурный форум. 1–3 декабря 2016 г.

сознательно абстрагировался от социально-политических реалий своего времени и намеренно «замыкался» в границах искусства, музыки.

Вероятно, «особенная» религиозность Прокофьева, которая складывается в период его жизни за границей, вышла из Серебряного века, из столкновений разнонаправленных духовных устремлений. С окончанием belle ерос жизнь русских эмигрантов приобрела особую напряженность благодаря ситуации конфессионального и внеконфессионального плюрализма, с которой они столкнулись в изгнании. Многие вошли в масонское братство (Г. Газданов, М. Алданов, М. Слоним). Мать атеиста В. Набокова увлекалась христианской наукой; известны переходы в католицизм (Вяч. Иванов, 1926). Тенденции экуменизма нашли воплощение у А. Гречанинова.

Оказавшись вне пределов родины, Прокофьев, в поисках точки опоры и в силу сложившихся обстоятельств, выбирает свой особенный духовный путь, который уводит его от истинного православия. Специфический образ жизни и личностный рационализм, даже прагматизм, также способствовали такой «постепенной модуляции». Полностью подчинив все свое существование неустанному, каждодневному труду и именно так подтверждая целесообразность созданного Богом мира, Прокофьев с детства жил, в сущности, как настоящий протестант.

Живя во Франции (с 1924 г.), он начинает посещать собрания сообщества «Christian Science» (Христианская наука)². Впервые об этом рассказывает секретарь композитора Г. Н. Горчаков в 1963 г.: «Я могу свидетельствовать, что Прокофьев очень серьезно относился к доктрине М. Бейкер-Эдди, основательнице Христианской науки, и что свою жизнь он согласовывал с принципами доктрины» [6, 88].

Так, Прокофьев не пропускал воскресные службы во второй церкви Христианской науки на бульваре Фландрэн, и нередко выговаривал Горчакову, поскольку тот посещениями церкви манкировал. Из Дневника известно, что Прокофьев с трудом переносил пение в церкви, но Горчаков подчеркивает: композитор не просто терпел, он пел гимны вместе со всей общиной. Вся жизнь, как сокровище, секретарь хранил сборник гимнов Христианской науки, который оставил ему Прокофьев, возвращаясь в СССР. Именно по совету Прокофьева Горчаков написал в 1934 г. кантату «O Gentle Presence» на тексты М. Бейкер-Эдди. Прокофьев и сам думал о написании сочинений на религиозные сюжеты: в 1914 г. он упоминает о музыке панихиды, в 1927 г. — о сюжете Апокалипсиса на текст псалма из «Christian Science Sentinel» [6, 88].

При очевидной утилитарно-практической, прикладной направленности основополагающей доктрины Христианская наука не принимает постулата о боготелесной природе Спасителя и трактует Христа как гениального носителя Божественного разума, который может проявляться и в любом смертном: «Вероятно, человеку склада Прокофьева это толкование было ближе, чем сложная и глубокая православная концепция Триипостасного божества» [5, 267].

Известно, что с идеями Христианской науки Прокофьев, считавший себя православным, ознакомился еще в начале 1920-х, оказавшись в США. Лютеранка по вероисповеданию, Каролина Кодина стала его женой в октябре 1923 г. В начале июня 1924 г. Прокофьевы узнали о чудесных исцелениях, совершаемых адептами Христианской науки. Супруга композитора решила обратиться к целительнице, чтобы поправить свое состояние после родов. Прокофьев также прибег к помощи приверженцев Христианской науки, так как самого беспокоило сердце и головные боли. Впоследствии методы Христианской науки помогали ему и жене избавляться от страха перед выступлениями. В дальнейшем чтение книги М.-Б.Эдди «Наука и здоровье» способствовало становлению собственного отношения Прокофьева к Богу, человеку, к понятиям о добре и зле [9, 155–157].

На страницах одной из записных книжек Прокофьев собственноручно написал и подписал своей характерной подписью 20 мыслей (тезисов), составленных на английском языке и вдохновленных Христианской наукой. Можно сказать, что, интерпретируя положения доктрины, Прокофьев применяет их к собственному опыту и творчески развивает. Содержание данного документа — самоидентификация Прокофьева с неким духовным началом в соответствии с канонами Христианской науки. Не случайно

² Christian Science — паракристианское религиозное учение протестантского происхождения, основанное в 1866 г. Мэри Бейкер-Эдди (не следует путать с сайентологией). Священными книгами христианской науки считаются Библия и «Наука и здоровье с ключом к Священному Писанию» (Science & Health With Key to the Scriptures) М. Бейкер-Эдди (изд. в 1875 г.). Эдди свидетельствует, что выздоровела, после того как прочитала в Библии о чудесных исцелениях больных Спасителем. По ее мнению, исцеление, подобное тому, что совершил Христос, доступно большинству людей, как и в новозаветные времена. Странники учения считают, что и человек, и Вселенная по своей природе являются духовными, а не материальными и что добро, здоровье и добродетель являются реальностью, тогда как зло, болезнь и грех являются мнимыми продуктами фиктивного материального существования. Всем методам лечения адепты Христианской науки предпочитают исцеление через особые молитвы, направленные на пробуждение духовности в мышлении [11].

также и приблизительное совпадение датировки этого документа со временем работы над оперой «Огненный Ангел», в основу которой положена этико-религиозная концепция.

Как мы видим, в начальном тезисе явственно обнаруживается источник той самой оптимистической ориентации композитора: «Угнетенное состояние (депрессия) является обманом, порожденным смертным мозгом, следовательно, оно не властно надо мной, ибо я — проявление жизни, то есть духовной силы» [7, 156]. Очевидно, что для Прокофьева эта жизнь не исчерпывается одними лишь материально-земными проявлениями, она пронизана божественным светом, Духом. Композитор специально подчеркивает это: «Я — выражение Духа, который дает мне силы сопротивляться всему, что является бездуховным» [4, 82], т. е. понятия «дух» и «жизнь» здесь неразрывно связаны. В этой одухотворенности жизни и животворности духа, сознательно декларируемой композитором, обнаруживается глубинная связь с некоторыми идеями русской религиозно-идеалистической философии. В частности, создатель концепции Всеединства В. Соловьев писал следующее: «Тот мир, который, по слову апостола, весь во зле лежит, не есть какой-нибудь новый, безусловно отдельный от мира божественного, состоящий из своих особых существенных элементов, а это есть только другое, недолжное взаимоотношение тех же самых элементов, которые образуют и бытие мира божественного» [10, 123].

Специфика прокофьевского рационализма также сродни традиции русской философской мысли, увязывающей богочеловеческий Логос с проявлениями живого разума, оплодотворенного Красотой и Любовью: «Являясь проявлением Разума, я способен к сильному творческому мышлению. Я — проявление Любви, которая поддерживает мой постоянный интерес к моему творчеству. Индивидуальность дана мне для создания Красоты» [7, 156]. Не отсюда ли «серафические» образы совершенной красоты в музыке Прокофьева, окрашенные характерной для русской религиозно-философской традиции обращенностью к Софии — Вечной Женственности?

Рассуждая о сущности творческой активности в природе, композитор пишет: «Старый вопрос — есть или нету Бога — принимает несколько иное освещение, если поставить его иначе, а именно: творчество в природе сознательно или бессознательно? Атеисты, по-видимому, утверждают, что оно бессознательно. Если же допустить, что оно сознательно, то это и есть уже Бог! В теориях атеистов — какая-то шаткость: как это бессознательное творчество природы нашло в себе элементы сознательного человека, и когда этот человек всё осознал, то он оказался все-таки глупее бессознательной природы, постоянно удивляясь ей и получая от нее уроки? Довольно обидно и глупо. И как все стройно, как только допустить сознательное творчество» [3, 682]. Как видим, Прокофьев явно дистанцируется от атеистов. Более того, напряженная рефлексия над фундаментальными метафизическими проблемами приводит композитора к выводам, имплицитно содержащим утверждения о возможности и необходимости существования Бога.

После переезда в СССР в 1933 г. композитор прекращает вести дневник: в советский период подобных размышлений бумаге он уже не доверял. Нам известно лишь, что, вопреки практике Христианской науки, Прокофьев прибегал к медицинской помощи и что к концу войны разлад его мировоззрения с действительностью достиг критической точки. Однако, судя по косвенным признакам, композитор не разочаровался в учении. Во всяком случае, именно этим можно объяснить некоторые факты его последующей жизни.

В 2003 г. Н. П. Савкина предложила собственную версию, объясняющую причину возвращения С. С. Прокофьева в СССР именно его религиозными убеждениями [8, 254–256]:

«Прокофьева прельстил соблазн коммунистической утопии. Родство между идеалами христианства и коммунистическими принципами он чувствовал в энергии созидания и декларациях социального равенства <...> Конечно, было еще множество причин за возвращение. От неизбежной ностальгии до любимого биографами соперничества со Стравинским и Рахманиновым, от экономического кризиса 1929 года до стремления туда, где т а к любят и т а к понимают. Посулы вождей, энтузиазм театров, статус первого в стране композитора <...>

Однако Прокофьев знал о терроре и массовых репрессиях. Композитор пытался вытащить из тюрьмы своих собственных родственников. Как мог он, так любящий жизнь и ее радости, вернуться? Почему он не боялся?

Прокофьев не убоился, <...> так как хотел вслед за Христианской наукой верить, что зло нереально: “Все хорошее и ценное создал Бог. Все, что бесполезно или губительно, Он не создавал — следовательно, оно нереально”. Когда мысли обра-

щены к добру, зло исчезает. Любовь отрицает, отвергает зло. (“Love negates evil”). Знакомые, жившие в СССР, этого не понимали. Б. Асафьев, ознакомившись с лекцией по Христианской науке, заметил (1928 г.): “Надо поверить в то, что зло нереально, а это трудно, по крайней мере, сразу”.

Уничтожая критический аспект в отношении к миру, Христианская наука учила композитора не бояться. Он ощущал себя защищенным Божественной броней, вооруженным истинным знанием и истинной верой. Все сигналы, которые предостерегали его против возвращения в СССР, разбивались о его несокрушимый оптимизм и сформированное Христианской наукой убеждение в том, что зло бессильно: “Поскольку человек ясно осознает, что он отражение Божье, ему не страшен людской лай, который направлен лишь на его материальное “я”, являющееся слабой тенью настоящего человека, отражающего Бога”».

Можно считать религиозные взгляды композитора наивными или иронизировать над положениями Христианской науки. Однако глубочайшего уважения заслуживает постоянная духовная работа композитора, его неустанное стремление к самопознанию и самосовершенствованию. Он сознательно делает свой выбор и берет на себя ответственность за него.

Ключевые слова: Сергей Прокофьев, русская религиозная философия, Христианская наука.

Литература

1. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
2. *Прокофьев С.* Автобиография. 2-е изд., доп. М.: Сов. композитор, 1982.
3. *Прокофьев С.* Дневник. Ч. 2. М.: Классика XXI, 2005.
4. Прокофьев о Прокофьеве: Статьи, интервью / В. Варунц, ред.-сост. М.: Сов. композитор, 1999.
5. *Рахманова М.* Прокофьев и Christian Science // Сергей Прокофьев: к 110-летию со дня рождения: Письма, воспоминания, статьи / Труды ГЦММК им. М. И. Глинки. М., 2007.
6. *Савкина Н.* За горизонтами Дневника С. С. Прокофьева: о Горчакове // Научный вестник Московской консерватории. 2011. № 1. М.: Московская консерватория.
7. *Савкина Н. С. С.* Прокофьев и секта Христианская наука // Сергей Прокофьев: Дневник. Письма. Беседы. Воспоминания. М., 1991.
8. *Савкина Н.* Христианская наука в жизни С. С. Прокофьева // Научные чтения памяти А. И. Кандинского. Науч. труды Московской консерватории им. П. И. Чайковского. Сб. 59. М., 2007.
9. *Сергей Прокофьев.* 1891–1991. Дневник, письма, беседы, воспоминания / М. Е. Тараканов, сост. М.: Сов. композитор, 1991.
10. *Соловьев В.* Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1.
11. Интернет ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Христианская_наука